

ЖС6740

мес/н.
5743.

Февраль 1928 г.

К „Смычке“

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

И. СПОРЫЧЕВ

с. Тума, Ю-Польского у.

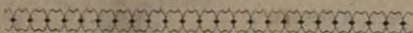
ЛАПОТНИК

Лыжи липовые сочные,
Лыжи мочены в пруду...
У меня работа срочная,
Плету лапти на страду.

Режет ножик ленты белые,
Кочедык стальной снует...
Эх, и лапти же я сделаю,
Не износишь целый год!..

Лапотки-баретки модные,
Лучше моды не найти!
В них по кругу хороводному
Можно козырем пойти.

Полосой-щечкой обритой,
В чечевичных завитках—
Ах, как ловко! Знаменито!
Шлепать в белых лапотках!..

МИХАИЛ ШОШИН

В ЛЮБЛЕННЫЙ

Сладко пахнет на гумнах дымком, и течет с поля холодок спокойными волнами. За деревней, как слиток багряного золота, горит осиновый перелесок, и на Васькином болоте, что с боку перелеска затуманилось, спустился косяк журавлей. Они садятся осторожно, потом расхаживают боязливо и из предосторожности перестают курлыкать.

Игнат Шамша крадется к журавлям. Осенняя унылая тишина на долгую ночь сковывается холодком. В деревнях, что грустят по угорам, нет звуков. Заре скучно стало от тишины, она задремала от скуки и просочила в синюю расселину свою багряную красоту. Подкравшись к журавлям, Игнат бабахает из берданки. Раненая тишина охнула и застыла в злобе.

Журавли грузно и взволнованно, курлыкая что то ропотное, нестройно полетели в сине-черные сумерки—туда за раскаленные осенние леса.

Возвращается Игнат недовольный и усталый.

— Што не попал?—спрашивает его у овина сосед.

— Попал, да не до смерти. Они, ведь, черти здоровущие; их дробью и не прохватишь, ежели в бок или в хвост попадешь. Ранил я одного... Версты две пролетит и навернется. Гляжу, вот, куда полетели—чечас пойду за ними. Наверно в лесу упадет.

Сказал это Игнат зазря, прекрасно он знал, что журавль улетел невредимым. В душе его тронулось то таинственное, но всеильное, чему нет на-

звания—как трогается что-то у пьяницы перед запоем. Дома Игнат надел шапку с ушами, десять годов ему прослужившую. Эта шапка до того привыкла к его голове, что даже не сваливалась, когда он был мертвецки пьяным, или даже не слетала, когда его били.

Жена его Анисья, здоровая баба с широким и плоским задом, посмотрела на него тупо.

— Куда это ты собираешься?

— Я, понимаешь, журавля чечас ранил, а он, сетки, улетел и, не могши лететь, упал в лесу.

— Опять шататься по лесам пошел,—фальшиво взвизгнула жена: опять шататься пошел, а овес немолоченный.

— Не твое, понимаешь дело,—строго сказал Игнат и повесил на плечо берданку.— Ты не имешь права меня останавливать и должна понимать мою душу, ежели я охотник.

Шел Игнат. В поле было пустынно, как в нежилой избе, только куч пятнадцать горевали в поле, словно заблудившееся стадо овец, да сумерки благоденствовали на осеннем просторе. Когда же Игнат вошел в лес, то его охватило неизъяснимо сладкое волнение, каким может наслаждаться только охотник. Под ногами шуршали листья, листья шурша падали, и сгоревшие на осинах и березах листья от маленького ветерка трепетно шуршали: в лесу стоял звонкий лиственный шум—лес спра-

влял последнее торжество, снимая свои летние наряды для встречи с нелюбимой зимой. У Игната появилось желание разбудить тишину и заявить другу-лесу, что охотник Игнашка Шамша здесь и понимает грусть осеннего увядания, и он прочувственно и складно запел:

Уж ты сад, ты мой сад,
Сад зеленый мой,
Ты зачем рано цветешь,
Осыпашься...

С песней он подошел с сторожке. Старая избушка в два окна имела вид унылый и нерадостный; вокруг лес и темнота; избушка была похожа на лукошко в темной подклети. Лесной сторож, Васька Стрючков, парень двадцати четырех лет—широкоплечий и здоровый, с выбившимися из под картуза лохмами волос, у избы чистил ружье.

— Здорово, — крикнул весело Игнат: — стосковался, я понимаешь, об тебе... Журавли летят, гуси летят, на дальнем болоте ночевать садятся. Надо утром сходить, може парочку удохвоим. Севодни я палил по журавлям, да видно промазал—улетели.

В сторожке они развели огонь и закипятили малину, отчего избушка повеселела, как старуха за чаем.

— Давака, брат, завтра встанем пораньше да за гусями сбродим, Как утро дорожки покажет, так и пустимся.

— Мне видишь ли, дядя Игнаш, сечас надо на репетицию итти—завтра, вишь-ли, мы спектакль для выездного пленума райсовета ставим... При том же у меня сегодня свиданьишко. А завтра с утра обход. Тогда давай так сделаем:—я утром тоже рано встану, сделаю обход и приду на дальнее болото.

— Деваха тебя в руки забирает, вот, и бегаешь. Молодость... Я тоже бывало за Анисей—избегался весь, еле, понимаешь, присвоил. От любви, Вась, сгореть можно. Это я пытал. Так я сейчас завалюсь спать. Утром пойду, так тебе пну, ежли тоже вставай. Комедь штоли ставите? От весны я у вас не играл—летом все работа. Теперь вот, досужнее... Подберите мне рольку посмешнее... Представлять я люблю.

Белизной окон рассвет показал Игнату пору вставать. Одеваясь он по дороге пошевелил спящего Василия ногой в плечо.

— Я пошел! Вставай!

Утро наступило пасмурное, холодное. Игнат на воле зарядил берданку, закурил, посмотрел вокруг на лиственные желтые, красные, багряные громады и на мрачные хвойные и провалился в узкую лесную тропу.

Дальнее болото встретило его неприветливо. Под ногами ворчала вода, от воздуха пахло старым грязным лаптем. Заржавевшие полосы, лады и глаголи воды пугали охотника, как чирьи на чужом теле.

Любил Игнат леса, пел он в лесах унывные песни, деревья ему казались полуживыми и его чуткая душа верила, что они слушают и понимают его песни. Сладко токало его сердце в полях на заячьем гоне, но в болотах Игнат скучал, потому что болото напоминало ему мужицкую жизнь.

Игнат прошел сажен шестьдесят в глубь болота и услышал сдержанное деловое гоготание стаи гусей. По гоготу можно было определить, что стая искала пищи, находила и завтракала, гогоча только по необходимости; гусак звал подругу, чтоб угостить найденным или же гусыня ругала самца за ротозейство.

Охотник взвел курок берданки и свое сердце и пошел к стае так, как ходила бы сама хитрость и осторожность. Только влюбленный первой любви,

дожидаясь на десять минут опоздавшую, да охотник, приближаясь на выстрел, чувствуют настоящее движение времени и знают, что оно не летит.

Из-за куста он увидел стаю гусей. Под его ногой громко хрустнул сучек и гуси, воинственно гогоча, поднялись.

Игнат выстрелил в лет.

Один гусь полетел ниже всей стаи сажени на две, потом кувильнулся и упал в кусты.

— Свалился, екнулась радость, и охотник бросился за гусем.

Он стал искать гуся в редких кустах. Перешагнув старый гнилой куст, он вдруг почувствовал, что ноги у него кто-то отнимает. Игнат изо всей силы рванул правой ногой и не мог ее вытащить и вздрогнул, как вздрагивал на фронте при команде „в атаку“:

— Провалина!..

Он почувствовал ехидные холодные ласки болотной воды и ила... и когда вода обожгла живот—волосы на голове его поднялись, последними неистовыми усилиями он рванулся и шапка первый раз в жизни слетела с него головы. Мозг в поисках спасителя сверкнул всей силой и остановил внимание на валявшейся впереди берданке. Мгновенно потянул ее к себе, положил поперек ямы, облокотился на нее руками и почувствовал, что гибель его отсрочена. Передышка была незначительна, как утоление сенокосной жажды горстью земляники. Болото ласково тянуло его в свою кошмарную глубину, и гнилая вода выливалась через края ямы, заливая берданку и ржавую осоку. Игнат налившимися кровью глазами посмотрел вокруг: сероватый воздух, дохлые кусты, болотная осока... Впереди в саженях в четырех валялся гусь.

— Вона он, — сказал Игнат и в нем шевельнулось что-то радостное, но оттого, что он не может взять убитого гуся и пойти с добычей в теплую сторожку—ему стало еще горше. Он посмотрел в дождливые небеса, и в нем проснулось большое и искреннее упование на помощь божью.

— Господи! крикнул Игнат. Крикнул Игнат очень громко и ему показалось, что это крикнул кто-то другой. Позади лес передразнил его:

— О-о-с-п-о-д-и!

Когда затихло насмешливое эхо, на болоте стало еще тише и страшнее, только где-то недалеко, в другой провалине бурчала вода. Незатонувшую часть тела грозила задушить эта сырая тишина.

— С ума сойду,—сказал он мысленно.

Он еще раз уповающе посмотрел в небо и почувствовал до жути ясно и просто извечное благородное равнодушие выси ко всему живому на земле, и понятна стала ему простота смерти и жизни: Игнат убил гуся, а болото проглотит Игната, а вон Васька говорил, что есть большая планида, которая сшибет землю. Тогда он заревел неистово и бесперестанно:—Васька-а... Васька-а... Васька... И лес позади его на этот раз серьезно и настойчиво помогал отыскать спасителя перекатывая по просекам и долам эхо... Когда уже Игната начал покидать рассудок, и голосовые связки отказывались выть, он явственно услышал громоыхание васькиного аукания.

— Ва-а-а, я утону-у, — хрипел Игнат.

Инстинкт лесного человека быстро дал понять в чем дело. Вскоре Василий с ружьем через плечо, с колом в руках увидел плечи и голову Игната, как пень щерящийся из ямы. Игнат дрожал бешеной дрожью страха и озноба. На Василия глянуло черное искаженное лицо приятеля. Он положил поперек ямы кол, вытащил из под рук утопающего берданку, из которой хлынула вода.

— Кончаешься?

Сильные руки парня схватили Игната за плечи.

— Бере-ем, — пропел Василий.

Провалина, злобно урча освобождала свою жертву.

— Еще бы немного и погиб, — прохрипел он, уже стоя правым коленом на коле и выдергивая левую ногу.

— Одно лапта нет.

— Наплевать... Забирай гуся и берданку, — сказал Игнат и сладко вздохнул: — я весь будто во льду.

★

Игнат в сухих Васькиных штанах и рубашке блаженствовал на печке, а Василий жарил гуся и кипятил воду.

— Вась, ты малинки скипяти, малинки...

Вечером они шли на спектакль и курили. Огоньки цыгарок, как птички, порхали вокруг их лиц.

Дожидаюсь в нардоме начала спектакля, он подошел пока поговорить к соседу Капитону Феклину.

— По што это к тебе поп прошел?.. Недавно, с час тому назад, — спросил Феклин.

— Какой поп, — удивился Игнат: — я севодни и дома не бывал! У Васюхи два дня обретался.

— Ты гляди, Игнат, у тебя наверно баба дуриет...

— Слышал я что то бабы поговаривают.

В голове у Игната и без того от простуды звенело, а теперь от бросившейся крови голова закружилась, и он вышел на улицу, как из угарной избы.

Напрямки, огородами пробрался до избы и у своих ворот долго метался, обдумывая, как бы без стука пробраться в избу и, наконец, решил пролезть в подворотню. В узкое отверстие, как волк, протаскивал свое тощее тело. Где? В избе? Но там Петька. Она туда не пустит. Значит, в клетки.

У закрытой легкой дверцы вздрогнул!

— Тут! Нашупав широкую доску на кадке с овсом он толкнул дверцу и шагнул в клеть.

— Ничего... ничего, — сказал поп: — это овца лезет.

— Берданку бы теперь, — подумал Игнат и с каким то диким визгом треснул доской.

Баба чутьем догадалась и выдохнула в застывшее в ужасе лицо попа:

— М-му-уж...

Игнат стал бить изо всей силы... Но вдруг чьи то сильные руки бросили в угол и он, ударившись о чан с огурцами, завыл от злобы и бессилия.

Поп, как громадный журавль, вылетел в белесое пространство двери.

★

Следующий день Игнат лежал на печи — сказала простуда и нервное потрясение. В его бреду поминались журавли, Васька...

Анисья от неоставлявшего ее волнения и злости гремела горшками, шлепала Петьку и с робостью заглядывала на печь, но потом бред мужа настроил ее еще тревожнее, и она на улице настойчиво сообщала соседкам:

— Игнату моему что-то занедужилось.

Вечером она с помощью соседки Печалихи перетасили его на лавку.

— Весь, как жар, — заключили бабы.

— Настыл. По лесам та шатается, вот, и настыл.

— Баню завтра пожарче истопи. Надо мужика пропарить.

Кошмары в виде черных, неизмеримо рогатых быков и гусей с носами длинее коромысла мучили ночью охотника.

— Убью, — кричал он и все порывался встать

— Анисья, убью...

— Что это он тебя? — спрашивала Печалиха, которую Анисья упросила ночевать, так как одна боялась. Анисья бледнела:

— Так уж не дело говорит...

Потом он стал тише и задыхаясь, говорил жалобно:

— Журавли летят... Гуси летят... Вась... Вась... На дальнем болоте садятся.

К утру он еще больше настудившийся у окна, совсем задышался. Мнилось ему — поп душит его длинными рукавами и он молил:

— Поп, не души... Не души... Сам умру...

Утром его бабы вымыли в бане, одели в чистую рубашку, положили на лавку под иконами и накрыли шубой. Он пришел в сознание и попросил пить:

— Что как? — спрашивали заходившие осведомиться о здоровье мужика.

— Вроде как забылся, — отвечала Анисья.

— Попа позови... Пособоровать бы надо, — советовали бабы.

— Ходила, да дома нет.

Тогда Капитон Феклин возразил:

— Да поп дома... Ивану Малкову ребенка крестил... Сейчас только Иван пришел.

— Да ну?... Надо сбегать...

И Анисья засуетилась бестолково, отыскивая обышку. Капитон подмигнул мужикам: одни засмеялись, а другие только покачали головами.

Игнат поманил к себе рукой.

Бабы сгрудились около:

— Чего тебе родимой?

— Ваську лесника... — прошептал Игнат: — Ваську позовите!

— Попа... попа тебе надо... плох ты, — пособороваться тебе надо, а то отойдешь без покаяния.

Игнат побагровел и задышал чаще...

— Сусед, что ты как отерьял, — сказал Капитон — вставай, поправляйся...

Игнат захрипел как-то величественно:

— Ваську мне позовите... Непре-еменно... Очень надо!

Василий пришел часа через полтора.

Большой улыбнулся и поцеловал холодную руку Василия.

— Што ты? — смутился парень.

Игнат задрожал с плачем:

— Вась, ежели, мол, кончусь, так попроси комсомольцев, чтоб меня без попа скоронили.

Вперед выступил Капитон Феклин:

— Игнатей, я тебе на похороны другого попа привезу... Игнат в ответ только вяло махнул рукой.

— Ведь у нас, деда Игнат, музыки то нет...

Мы только могом с гармонью,

— Во-во-во... Вы знаете, какие песни я любил

— их и играйте... На могиле сыграйте „уж ты сад, ты мой сад“... Игнат велел Василию наклониться и прошептал на ухо:

— У попова дома погромче сыграйте!

К вечеру больного разожгло, а к полуночи он успокоился.

Печалиха сказала: — сном, болеть пройдет.

Ему стало легко, как птице, будто он не то журавль, не то гусь. Стая сейчас улетает — Молодые отдохнули, а у него Петюнька лететь не может — молод, поздно вывелся.

— Петюнька, полетим на теплые моря — здесь замерзнешь, — а Петюнька плачет и не может лететь. А за гусыней, с которой Игнат жил, ходит огромный черный журавль. — Надо его отвадить, — решил Игнат и напал на него. Силен большой журавль, — не обидеть, а тут вдруг гусыня вступилась за него и выключила Игнату глаз. Ну, Петюнька, замерзать нам с тобой придется, — сказал он от бессилия.

И тут зло, тяжелое и жуткое, как болотная грязь, горячее, нестерпимое зло на все видимое здоровым глазом — лес, стаи птиц, облака, потому что они оставляют здесь его погибать с Петюнькой, — разорвало его сердце.

Видят птицы, что кончается Игнат, а пора улетать. Спела стая грустные песни, печальный лес сыграл на гармони и все улетело: и птицы, и лес, и облака, а Петюнька полетел в старое гнездо.

— Ружье-то... возьми, — закричал вслед ему Игнат:

— Ружье то... Оно у Васьки. Без ружья погнешь.

А болото грязное и мохнатое подошло к Игнату, схватило за крыло и бросило в кошмарную провалину.

★

На следующий день и на второй день летели гуси и летели журавли и садились на Васькином болоте, и садились на дальнем болоте.

На второй день четырнадцать комсомольцев, пятнадцатый Петюнька, хоронили Игната.

Все село выходило глядеть на похороны, но никто не шел за гробом, — все боялись гармони.

Гармонь в руках первейшего гармониста Егорши Прахина рыдала, как невеста.

У попова дома Василий Стрючков вспомнил наказ покойника и сказал Егорше:

— По гр о м ш е!

И гармонь забасила: „отречемся от старого мира“.

На могиле милиционер комсомолец Степан Дочкин встал на насыпь и сказал:

— Слово по делу смерти Игната Спиридоныча Тетеркина скажет секретарь ячейки...

— Товарищи, — прозвенел секретарь ячейки, — хороним мы сознательного покойника... То есть Игната Спиридоныча... Каковой буквально существовал безбожником... Который есть веселый крестьянин... И практично играл в драмкружке за артиста...

И он еще минут пять хлестал тишину трелью коварных звенящих слов.

Когда земля с лопат водопадом полилась в могилу, гармонист заиграл „Уж ты сад, ты мой сад“ — песню томительную и щемящую сердце, как вечная разлука, песню, которую Игнат любил, как поле, как лес, как разомлевшую бабу, как смертный выстрел на охоте.

А. БЛАГОВ

ПЕ С Н И

I.

Красота—места!
Как в саду идешь;
На полях густа
Молодая рожь.

В теремах лесных,
Весел вешний путь—
Под напев сосны
Отдыхает грудь.

Сколько теплых слов
У травы с рекой!
Голубых цветов
Не собрать рукой.

Пролетел, звеня,
Ветер шелковый;
Заласкал меня
Шум поселковый.

За избой—изба,
Гладко стружена,
У окон резьба
Вьется кружевом.

По цветным коврам
Ходит улица,
Только сельский храм
Что-то хмурится.

Не к душе ему
Новой жизни свет—
За былую тьму
Не встает Совет.

II.

Есть на свете люди,
Есть другая жизнь...
Я жалеть не буду,
Хоть сейчас простись.

Та лицом моложе,
На словах умней;
Я скучна, быть может,
И неровня с ней.

Не пустое дело—
Друга потерять,
Но гляжу я смело.
В заревую гладь.

Не сестра тоска мне,
Не боюсь труда,—
Под лежащий камень
Не течет вода!

Не промолвит счастье:
— «Вот, бери меня»;—
Будет боль ненастья,
Зной пустого дня.

Думаешь—не мерять
Новых мне дорог,
Не уйти за двери,
За родной порог?!...

Нет, не той я стала,
Что вчера была—
В сердце грусть увяла,
Воля расцвела.

Я жалеть не буду,
Хоть сейчас простись...
Есть на свете люди,
Есть другая жизнь!...

TTTTTTTTTTTTTTTTTTTTTTTTTTTT

Н. А. НЕКРАСОВ

„Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситец, и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча“!..

Нет такого уголка в нашей Республике, где-бы и сейчас еще не пелась эта песня. Поют эту песню пожилые крестьяне и крестьянки, поет ее и наша молодежь. Но, может быть, не каждый житель деревни знает, кем написана эта песня.

В нынешнем году исполнилось 50 лет со дня смерти великого нашего поэта Николая Алексеевича Некрасова; им-то и была написана эта песня.

Н. А. Некрасов всю свою жизнь отдал печатному слову. В своих высокохудожественных и вместе с тем для всех понятных стихотворениях Некрасов описывал тогдашнюю бесправную и темную деревню. Никто из старых наших поэтов не подошел так близко к мужику, как Некрасов: он радовался мужицкой радостью и глубоко болел народным горем.

В своих стихотворениях Некрасов беспощадно бичевал тех, кто был притеснителем народа, за что не мало гонений приходилось ему перенести от царских властей.

В одном из стихотворений Некрасов с суровой насмешкой говорит, разжившему на мужицкой шее дармоеду:

„...Не спрошу я, откуда явилось,
Что теперь в сундуках твоих есть;
Знаю: с неба к тебе все свалилось
За твою добродетель и честь“!..

Горячая любовь к угнетенным и ненависть к угнетателям—основные мотивы некрасовской поэзии они дают, ему полное право на звание поэта революционера.

В высшей степени революционными стихами Некрасова можно назвать его „Песню Еремущки“, где поэт говорит:

„...Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.
—С ними ты рожден природою—
Возлелей их, сохрани!
Братством, истиной, свободою
Называются они“!..

В своей знаменитой поэме „Кому на Руси жить хорошо“ Некрасов дает яркие картинки жизни деревни после кре-

постничества. Любовь поэта к крестьянину, его безмерное уважение к труду сказались в этой поэме со всею силой. Одна глава этой поэмы рисует перед нами крестьян, охотно откликнувшихся

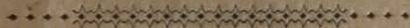

на призыв честного мужика Ермилы Гирина, у которого купец Алтынников хотел отбить мельницу.

„Богат купец Алтынников,
А все не устоять ему
Против мирской казны...“

говорит поэт устами Ермилы и в словах этих видна глубокая вера Некрасова в силу крестьянского коллектива.

Много прекрасных стихотворений написано Некрасовым. О его огромных заслугах перед народом в коротких словах высказать невозможно. Хотелось-бы одного, что-бы каждый грамотный крестьянин знал своего великого поэта, который так смело выступал на защиту обездоленных в старые подневольные годы.

Стихотворения Н. А. Некрасова

Свобода

Родина мать! по равнинам твоим
Я не ходил еще с чувством таким!
Вижу дитя на руках у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:
В добрую пору дитя родилось,
Милостив бог, не узнаешь ты слез!
С детства никем не запуган, свободен,
Выберешь дело, к которому годен;
Хочешь—останешься век мужиком,
Сможешь—под небо взовьешься орлом!
В этих фантазиях много ошибок:
Ум человеческий тонок и гибок;
Знаю, на место сетей крепостных
Люди придумали много иных.
Так!.. но распутать их легче народу.
Муза! с надеждой приветствуй свободу!

Калистрат

Надо мной певала матушка,
Колыбель мою качаючи:
„Будешь счастлив, Калистратушка,
Будешь жить ты припеваючи!“

И сбылось „по воле божией“
Предсказанье моей матушки:
Нет богаче, нет пригожее.
Нет нарядней Калистратушки!

В ключевой воде купаюся,
Пятерней чешу волосыньки,
Урожая дожидаяся
С непосеянной полосыньки!

А хозяйка занимается
На нагих детишек стиркою,
Пуще мужа наряжается—
Носит лапти с подковыркою!..

Из поэмы „Мороз красный нос“

Не псарь по дубравушке трубит,
Гогочет сорви-голова,—
Наплакавшись, колет и рубит
Дрова молодая вдова.
Срубивши, на дровни бросает—
Наполнить-бы их поскорей,
И вряд ли сама замечает,
Что слезы все льют из очей.
Иная с ресницы сорвется
И на снег с размаху падет—
До самой земли доберется,
Глубокую яму прожжет.
Другую на дерево кинет,
На плашку,—и, смотришь, она
Жемчужиной крупной застынет—
Бела, и кругла, и плотна.
А та на глазу поблится,
Стрелой по щеке побежит,
И солнышко в ней поиграет...
Управиться Дарья спешит.
Знай рубит—не чувствует стужи,
Не слышит, что ноги знобит,
И полная мысли о муже,
Зовет его, с ним говорит...

Сеятелям

Сеятель знанья на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь бесплодную?
Худы-ль твои семена?

Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
Доброго мало зерна!

Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами?
Где же вы с полными жита кошницами?
Труд засевающих робко, крупницами,
Двиньте вперед!

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

* * *

Душно без счастья и воли,
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что-ли—
Чаша с краями полна!
Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу вселенского горя
Всю расплеши!

ПАВЕЛ ПЕРВОВСКИЙ

с. Лух, Юрьевецкого уезда.

С В А Д Ъ Б А

РАССКАЗ

Умный очень Никанор Иваныч: на каждую мелочь, касаемо хозяйства, с агрономом совет держит. Здорово Никанор Иванович за агронома уцепился.

С утра до ночи за работой по хозяйству. Без найма батраков, своей семьей управляется. Трудно, да ничего—привычно.

Как разбогател—храбриться начал, говаривал другим:

—Нам што...

Сам председатель волисполкома Никанора Иваныча знает и в шутку буржуем зовет, потому Никанор Иваныч полтора рубля сельхозналогу платит, жеребят на продажу выкармливает, коров породистых держит и молоко продает. Свины и гуси по двору шляются. Куриц «особых» завел. Яйца считает сам и в книжку записывается. Сам в новых сапогах, сын в сапогах, дочери в шевровых туфлях гуляют.

Вот работников не хватать стало... Сын выручил, говорит:

—Тять, жени на Марьке! хороша девка...

Никанор Иваныч рукой взялся за бороду, дрогнул голосом и оборвал: —Вали, Ванюха!...

* *

Ходит Никанор Иваныч по избе, точно часовой. Бороду руками трогает.

—Свадьба дело не плевое, ежели она на селе. Кум Захар говорит: —Без пиру и не думай.

Евстигней Пробка: —И свадьба не в свадьбу...

Никанорова баба кофту рвет—хочу, как у людей!...

Три раза плюнул, полкоробки из под спичек табаку вынюхал, а ничего не придумал!

Со всех сторон прикидывали вопрос, а все на старое тянет. Без пиру не обойтись.

—И, опять, какой пир?—Федор Кочетов пир делал двадцать лет прошло, теперь помнят; до сих пор первым человеком почитают—потому две недели народ поил, хоть и здорово разорился!... Хочется почета мужику.

По уши заботы со свадьбой. Дома даже дела забросил: все ездил... Что денег ухлопал.

—А что купил? Невесте на подвенешное платье, сыну подвенешную тройку, дочерям шерстяные платья, жене ботинки, себе на пиджак для пиру. Хотел жеребят по-боку, жеребята хороши—жалко!

Сунулся в городе к торговцам: с большим процентом в долг дали.

К венцу невесту с женихом подготовил—ахнула деревня! Провожатые пудрой, что мукой, натерлись, духами напрыскались—нос затыкай. —Удружил девкам Никанор Иваныч.

Белые ризы, певчие, паникадило. —Ну-у-свадьба!. На пир всю деревню позвал. И пир у Никанора Иваныча: семь баранов на закуску зарезали—ешь, гости! Вин три стола... Шпроты, селедки, севрюга, пироги, кулебяки, печенье—собственное и фабричное, сахар, мед, шоколад, конфеты...

Устал Никанор Иваныч потчевать. Послал молодуху. Та по горнице поплыла лебедкой. Гостям кланялась. Как милости, просила не стесняться...

Семи овец не хватило, заколол свинью, гусей и половину «особенных» куриц. В город за вином гонял и жеребят продал.

Гости по горенке на кочерыжках. Бородой пол метут—пируют.

—Горько! — кричат молодым.

А во дворе Никанор Иваныч в слезах морду коровью целует, думает проститься...

Плыли туманом дни. Во хмелю две недели, как в раю.

* *

Ходит по деревне гоголем Никанор Иваныч. Слова на ветер не бросает. Все слушает о чем говорят...

Пришла к Маланье соседка, еще теща Никанорова пришла. Две бабы—базар, три—ярмарка. Хвалила теща Никанора, за дочь радовалась, но заморгала глазами—заплакала...

—Разорился мужик-от... Полторы тыщи спустил. У разбитого корыта моя дочь.

Завздохала Маланья с соседкой: им сыновей женить. Никанора ругать начали—Зачем с дураков пример взяли!...

Считали копейки—солону копейки достаются. Почесть каждая потом облита.

Теща от Маланьи ушла, к Авдотьиной избе своротила...

Никанорова баба по деревне плачется—тыщи с жеребятами жалко!...

Вся деревня о Никаноре говорит. А он гоголем по деревне ходит, слова на ветер не бросает. Слушает о чем говорят и, глотая слезы, смеется.

Корову за долги описали, да корову за сельхозналог свели. Закроет мужик глаза, жеребят видит: стоят мордочками кивают.

Вздохнул Никанор. Откинул пятеркой волосы, шапку нахлобучил, к председателю пошел: — Дашь сходку!... Буйные у нас в селе. А сегодня не то. Никанорово горе всех пришибло. Словно злое понапрасну кому делали, а одумались, застыдились. Стоят головы к земле склонили. Игнашка, Маланьин сын — комсомолец доклад делает...

— Вот в чем собака зарыта: — церковь... бог... пир... подавай на весь мир.

А после молодожены годами долги отработывай, хребет не разгибай. С горя, да от работы радости в жизни не видят...

Кровь кипит у стариков. Сердце обжигает. Шибко стервец бога ругает!... Но стоят, — шибко правда глаза колет. Только Никанор Иваныч чаще бороду рукой придерживает. Потом вышел Никанор на середину сходки, поклонился и говорит:

— Заела серость, да обряды... Землю трактором пахать стали, а жить по новому не учимся, друг друга боимся. Братцы, разорился я оттого, что вас боялся!... Урок для всех... Надо не только поле, но и себя переделать, тонь душу и совесть.

Всколыхнула Никанорова речь мужицки груди. Загудел сход и обещал выплюнуть из жизни старые обряды в суеверия.

МИХАИЛ ЛУКЬЯНОВ

ПОРА МОЛОТЬБЫ

Рыжеет ржавою щетиной
Полей пустеющая гладь.
Приникла ниже к сонной тине
У пруда хмурая ветла.

Не брызнет пеной васильковой
Ржаного моря перелив,
И по долинам по медовым
Цветы и песни отцвели.

Зато накружатся в охотку
Колеса в мельничной росе:
Пошел отщелкивать чечотку
Старик-плясун, веселый цеп.

Гудит гумно добротным звоном,
Богатым звоном зерновым.
Журчат литые зерна
Потоком золотым.

И ветер легкую мякину
Завьет в метельный хоровод,
А тонкий месяц над овином
Надежным сторожем всплывет.

